

ДЕИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВЯЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

А.И. Соловьев

(solovyev@spa.msu.ru)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Цитирование: Соловьев А.И. Деинституализация правящей политической элиты: в поисках теоретической модели // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 37–55

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.2>

Аннотация. Историческая логика развития правящего меньшинства отражает ряд фаз и стадий в его многогранной эволюции. Как показано в статье, одним из таких исторических этапов является образование элитарных слоев, которые формируют новые грани политического господства в рамках государственного устройства, существующего с Нового времени. В свою очередь, исторический опыт элитогенеза продемонстрировал три основные формы осуществления политической гегемонии этого корпуса правящего меньшинства — институализацию, деинституализацию и реинституализацию. Каждая из них знаменует особый стиль применения власти и управления, в конечном счете отражающих характер взаимодействия государства и общества. В контексте этого теоретического подхода раскрываются специфические особенности деинституализации правящей элиты в современном российском обществе, описываются типичные для этого состояния формы взаимодействия верхов с гражданским населением, делаются прогнозы относительно перспектив сохранения и изменения сложившегося типа правления.

Ключевые слова: власть, политика, управление, правящее меньшинство, правящая элита, общество граждан, неформальные ассоциации правящего класса, перераспределительные коалиции.

ПРАВЯЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО И СПЕЦИФИКА ЭЛИТАРНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Историческая трансформация правящего меньшинства является едва ли ни решающим показателем динамики отношений государства и общества. Несколько огрубляя характер эволюции этой доминирующей страты, можно утверждать, что условной точкой отсчета ее возникновения можно считать трансформацию различных форм самоорганизации общества в устойчивые иерархические конструкции [Бардаков 2007]. Исторический перелом, породив властные диспозиции правящего меньшинства, создал предпосылки для его дальнейшей трансформации и конституализации. Вождизм сменялся более продвинутыми протогосударственными, а затем и государственными формами, а способы группового доминирования принимали все новые и новые очертания, сигнализируя о постепенной трансформации сообщества. Последовательное укрепление его социально-экономических и политических возможностей, а также механизмов самовоспроизводства в рамках государственного правления не только еще больше дистанцировали эту группу от основной части населения, но и превратили ее в особый общественный класс. Тот общественный класс, который объединил как представителей статусных группировок (имеющих право говорить от лица государства), так и собственников и контролеров крупных общественных ресурсов вместе с аффилированными с ними лицами. Другими словами, рамки правящего класса вмещали в себя не только статусных лиц, но и тех крупных политических игроков, которые размещались за рамками государственной иерархии, но при этом поддерживали всю экономическую и политическую мощь структур и институтов официальной власти.

Параллельно динамика правящего класса усложнялась за счет противоречивого единения позиций «властвующих и подвластных» с коммуникациями «управляющих и управляемых», внесших новые черты доминирования как в механизмы самовоспроизводства этой социальной страты, так и в технологическое обновление механизмов распределения и перераспределения общественных благ и ресурсов. Впоследствии в условиях индустриального и постиндустриального циклов к этим формам правящего меньшинства добавились и деловые контакты «менеджеров и клиентов», расширивших объем правящего

класса и дополнивших иерархические связи новыми формами вертикального взаимодействия.

В Новое время, отметившееся усилением политического влияния массового актора и формированием механизмов социального представительства, были не только скорректированы диспозиции правящего класса, но и возникли новые — собственно элитарные формы его исторического господства. Прежде всего эта форма политического доминирования зафиксировала основную историческую отсечку своего возникновения, а именно системную зависимость верхов от коллективного актора, получившего инструменты оспаривания их позиций на контролируемой государством территории¹. Другими словами, формировавшаяся система социального представительства превратила общественное мнение и различные формы организованной презентации гражданских интересов (в партийной форме или деятельности иных медиаторов) в структурный фактор, не только повлиявший на рекрутирование правящих кругов, но и предполагавший, пусть и нестрогий, но тем не менее гражданский контроль за их деятельностью. Такая ситуация усилила требования к деловому и морально-этическому облику правящих кругов, заставив последних обратить самое пристальное внимание на способности к продуцированию массовых ценностей, способных как утвердить в общественном мнении нужные властям ориентиры развития, так и сохранить доверие к своей деятельности.

Под влиянием этих механизмов складывавшийся тип взаимодействия государства и общества качественно усилил зависимость позиционирования правящего меньшинства от общественного мнения и организованной активности населения как политического актора. Это, в свою очередь, повысило общегражданское содержание деятельности контролируемых правящей элитой институтов власти и управления. Одновременно такая ситуация придала новое значение существовавшему в государстве конфликту институализации и партикуляризации, сохранявшему возможность элиты использовать свои институциональные права не только в общегражданских, но и в частных и корпоративных целях [Каспэ 2008]. Однако именно структурная зависимость правящей элиты от населения превратила институциональный формат

---

¹ Впрочем, история дает немало, в том числе современных, примеров, когда центры власти пытаются распространять свое легальное доминирование на территории, не находящиеся под их силовым контролем.

ее деятельности в важнейший показатель политического функционала и одновременно исторического облика этой разновидности правящего меньшинства. Именно этот критерий стал определяющим в оценке отношения властей к политической роли населения, выбора направлений распределения общественных ресурсов и, как следствие, восприятия людьми государства как гражданского антрепренера.

Исторический подход к генезису правящего меньшинства противостоит не только нормативным подходам (подчас вызывающим к жизни такие удивительные феномены, как «элитный управленец») [Ефимова 2019: 233], но и попыткам ретроспективного означивания всех форм его существования в качестве элитарных образований [Понеделков 2010: 15–63]. Однако еще важнее, что такие идеи снижают понимание особенностей функционала правящей элиты как таковой. Так, в двух основных вопросах — в сохранении существенной автономности правления (отражающей нетипичность этого слоя в каждом конкретном обществе), а также в контроле за принятием политических решений (демонстрирующих фактический характер распределения и перераспределения общественных благ и ресурсов) — правящие элиты сохраняют преемственность с предыдущими формами доминирования правящего класса. Однако исторический отрезок их собственного существования показывает структурную зависимость господства правящего меньшинства от его взаимоотношений с обществом, признаваемым уже в качестве политического актора, обладающего собственными компетенциями и способностями в плане как самоорганизации, так и осуществления власти. Так что именно в институализированном дуализме власти и общества, представляющих два основных центра политического влияния, и состоит главная особенность элитарного функционала.

Другими словами, в своем историческом измерении собственно элитарный характер правления выражен в формах институционального господства, основанных на взаимной ответственности властвующих и подвластных, управляющих и управляемых, которые в конечном счете ориентируют органы государственной власти и управления на общегражданские интересы, поддержание открытого характера правового регулирования и соблюдение морально-этических норм профессионального администрирования.

В литературе существует немало попыток определения критериев эффективности правления политической элиты. Так, О.В. Леонтьева выделяет собственно политические критерии, отражающие свободу

рекрутирования, наличие консолидирующей идеи, соблюдение базовых политических свобод, отстаивание элитой интересов государства и независимость СМИ; «математические», демонстрирующие показатели доверия населения; соотношение благосостояния населения и высших должностных лиц и т.д.; организационно-правовые, показывающие зависимость зарплаты представителей государственного аппарата от установленных в законодательстве критериев эффективности, открытость сведений об имуществе высших должностных лиц, независимость судебной власти, возможность контроля гражданского общества; а также иные, касающиеся уровня культуры и образования политической элиты и т.д. [Леонтьева 2015].

Показательно, что даже такой формализованный подход фиксирует возможность перехода элиты от аутентичного представителя государства, призванного превратить политические институты из гарантов воплощения интересов общества и соблюдения гражданских прав и интересов, в фактор развертывания всей мощи государственной власти в сторону частных интересов правящего меньшинства.

И это неслучайно, ибо при элитарном правлении существует целый ряд структурных факторов, позволяющих властям вполне автономно реализовывать свои институциональные возможности. Прежде всего это связано с тем, что элиты быстрее и лучше граждан овладевают политическими компетенциями, достаточными для использования государственных институтов в целях продвижения собственных интересов. Другими словами, они лучше используют особенности своего позиционирования по отношению к населению, которое хоть и не лишено возможностей влияния на институты власти, но явно проигрывает в этом отношении правящим кругам. В этом смысле институализация политического господства элиты, дистанцирующей население от центров принятия решений, и поныне остается краеугольным камнем ее доминирования в современном государстве,

Опыт, однако, наглядно показал, что правящие элиты не просто быстрее осваивают необходимые для правления навыки, но и учатся сохранять свое доминирование с учетом использования новых инструментов конструирования властных отношений, одновременно реагируя на новые технологические возможности, которые появляются у населения. В этом контексте власти активно используют технологии управления (конструирования) электорального процесса, активизируют механизмы преэминичества и имитации каналов представительства,

снижения и вытеснения гражданского контроля из публичного поля, создают видимость сотрудничества с гражданским населением и т.д. В то же время гражданское население, политические возможности которого, как правило, кроются в повышении уровня политического сознания и организации коллективной деятельности, как правило, постоянно уступают своим более изобретательным партнерам в использовании потенциала институционального дизайна. И хотя в различных системах власти параметры политической и гражданской активности населения весьма различны, все же у правящей элиты сохраняется устойчивое преимущество в политических компетенциях, которые позволяют ей последовательно снижать ответственность перед населением и осуществлять асимметричное распределение ресурсов.

Еще одно структурное преимущество политических элит состоит в их практически непрекращаемой возможности формулировать государственные интересы и, соответственно, разрабатывать их соответствующие целевые параметры. Как показывает опыт, даже прямые формы фабрикации и имитации целей государственной политики практически не имеют шансов на изменение под влиянием населения. Причем даже легальные формы оспаривания этих целей со стороны граждан, как правило, не имеют никакого кардинального управленческого значения. При этом информационно-символическое сопровождение элитарных проектов не позволяет отношениям государства и общества достигать критических значений, способных спровоцировать воспламенение массовой протестной активности. Неудивительно, что при отсутствии серьезных шансов населения на масштабную диссиминацию низовых политических символов (демонстрирующих интересы населения и их политические позиции, надежды на будущее, протесты и конфликты идентификации, и т.д.), идейно-образные формы правления не только усиливают манипуляцию массовым сознанием¹, но и подчас создают предпосылки для вырождения элитарного слоя².

---

¹ Ряд авторитарных государств достигают в этом вопросе буквально космических высот. Например, северо-корейские СМИ постоянно уверяют читателей не только в воплощении в своей стране светлого будущего, но и подтверждают это успехами отечественных спортсменов, которые якобы постоянно выигрывают Олимпийские игры и другие крупные международные турниры.

² Так, в начале XX в. в аристократических кругах европейских стран элиты для укрепления морального духа властвующей корпорации и достижения

Неудивительно поэтому, что опыт последнего столетия дает постоянные примеры деинституализации правящей элиты, проявляющейся в разрушении ее исторически заданных параметров. Предпосылками этого процесса можно считать ориентацию представительных органов власти на преимущественную (абсолютную) поддержку правящей политической силы, увеличение административных барьеров в системе государственного управления, повышение централизации власти и усиление политико-административного контроллинга (особенно в условиях автократий), снижение эффективности представительных механизмов, ограничение политической роли оппозиции, демонстрирующей несанкционированные формы активности, распространение патрон-клиентской этики в аппарате госслужбы и т.д.

Современные стадии элитогенеза показали, что даже в странах западной демократии этот процесс неразрывно связан с углублением социально-экономического неравенства элитарных и неэлитарных слоев (что, впрочем, не означает отсутствие там экономического роста). Институты исполнительной власти сохраняют едва ли ни предельную дистанцию от непосредственных интересов граждан. Ну а межпартийная конкуренция и общественные движения, активность парламентов и парламентские расследования, деятельность структур гражданского общества и проведение систематических выборов, краудсорсинг и современные формы гражданского активизма способны лишь частично ограничить возможности элитарных группировок по распоряжению общественными ресурсами. Принятие же ключевых политических решений, оказывающих принципиальное влияние на социальные возможности населения, и во все исключают участие общественных сил. Одним словом, активность и участие общественности не способствуют ни развитию государственных институтов, ни корректировке их стиля решения общественных проблем [Xu et al. 2016]. В то же время внутри элитарная конкуренция, не только обуславливает постоянные межинституциональные трения (сказывающиеся на рациональном формате функционирования органов власти и управления), но и способствуют массовому формированию субститутов и деградации моральных принципов в зоне правления.

успеха в борьбе с соперниками власти нередко апеллировали к ценностям спиритуализма. Сегодня же кризисные обстоятельства отдельных режимов в ряде случаев побуждают представителей правящей элиты обращаться к языческим обрядам вроде шаманизма и сатанизма.

Ранними симптомами снижения элитой своих исторических кондиций следует считать усиление недоверия граждан к фигурам и институтам власти, ограничение субъектности государственно-общественных институтов (парламентов, легислатур), дефицит легитимной поддержки и расширение механизмов самолегитимации власти, отсутствие обратной связи и широкое распространение деструктивных образов государственных институтов, дискредитацию и некомпетентность управляющих. Более зрелая степень обрушения элитой своих статусных характеристик проявляется в ее институциональном полураспаде в виде открытой политизации судебной системы и произвольном правоприменении, создании законодательных оснований для легализации казнокрадства и коррупционных практик, качественном расширении масштабов партикулярно-корпоративного распределения и перераспределения общественных ресурсов, доминировании в госаппарате ценностей патрон-клиентской этики, перерастании ренто-ориентированной активности и дискреционных полномочий бюрократии в устойчивые формы коррупции и теневых отношений, государственном рейдерстве и других фактах подобного рода. Вытеснение норм профессиональной этики из системы государственного управления, а равно создание искусственной конфигурации публичной политики ведут к постепенному, но неуклонному исчерпанию органами исполнительной и представительной власти общегражданской направленности своих действий.

В конечном счете суммарный эффект изменений подобного рода ведет к трансформации функционала органов власти и управления, позволяя элите рассматривать свой суверенитет как условие пренебрежения законами и даже использования военной силы в качестве своих личных инструментов (М. Вебер). Тем самым приоритет государственных институтов превращается в набор инструментов, используемых на основе «личного усмотрения» правителей [Linz, Stepan 1996], что в итоге предполагает неизбежное установление диктатуры, уничтожающей зависимость власти от населения и ликвидирующей политические и гражданские права населения.

И хотя практика показывает, что в рамках республиканского правления трудно достичь политического единения государства и общества (с эффективными механизмами социального представительства, гражданского контроля и взаимным уважением сторон), все же во многих государствах (в том числе в рамках переходных процессов и последо-

вательной демократизации) существует немало примеров, демонстрирующих либо аутентичный функционал элитарного правления, либо его частичное или полное восстановление¹.

Обобщая эти весьма разнородные факты, а также учитывая, что процессы деинституализации правящей элиты, как правило, носят национальный характер (касаясь как правления в целом, так и отдельных группировок правящего меньшинства), можно с уверенностью говорить о том, что историческая логика функционирования элитарной формы правления располагается в рамках трех базовых стадий: *институализации* — *деинституализации* и *реинституализации*. В этом плане каждая современная полития дает собственные примеры характерной для нее стадии элитогенеза (в том числе с учетом морально-этической оснащенности правящего слоя). Однако в реальном политическом пространстве элитарное правление, соответствующее своей исторической природе, проявляется лишь время от времени, по сути, копируя точно такой же «мерцающий» характер своего функционала, который демонстрирует государство, действующее в качестве общегражданского антрепренера [Tilly 1985].

ДЕИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современном Российском государстве также проявляются различные грани этой триады элитарного правления. В целом системный характер современной власти чаще описывается через концепты «ручного управления», «кликокрации», «популистского варианта авторитаризма», «суперпрезидентализма», «институциональной коррупции», «сетевого» и других оттенков господства, отражающих деформации институционального доминирования элиты. Вместе с тем в научном пространстве по-прежнему распространены нормативные трактовки правящего режима и политической элиты, что выражается в широком

---

¹ В то же время следует подчеркнуть особый формат деинституализации и реинституализации, который складывается у элитарных группировок, действующих в межрегиональном или транснациональном пространстве, где их политические функции определяются интересами зарубежных центров силы (включая криминальные сообщества), тайными союзами и сделками крупных мировых игроков.

дискурсе о неизбежной «демократизации российского общества», требованиях неукоснительной ориентации управленцев на этические нормы политической ответственности перед обществом или же оправдания злоупотреблений «благонамеренных автократов» кризисными условиями. И что в последнем случае не исключает их превращения даже в «креативную элиту».

На фоне этих благонамеренных пожеланий нельзя не поддержать подход В. Гельмана, который вслед за Б. де Мескита определяет сложившуюся в стране форму власти не как дефектную систему, отклоняющуюся от лучших практик демократического правления, а как вполне сформировавшееся средство «удержания и сохранения власти и экономического господства в руках правящих групп», как особый и устойчивый «механизм управления страной» (в виде специфического проявления «недостойного правления») [Гельман 2019: 12]. В нашем случае данный подход обретает особую ценность еще и потому, что обращает внимание как на внутреннюю диверсификацию правящей элиты (первые отмеченную Миллсом в 1960-х годах), так и на то, что в постсоветское время «строительство новых институтов» происходило именно в интересах этих сегментов правящего меньшинства [Гельман 2019: 13]. Собственно, этот институциональный дизайн и укрепил ту систему правления, которая воплотила рациональную стратегию «правящих групп, направленную на максимизацию власти и господства» и предполагающую протяжение «максимально доступного для них... времени» политического доминирования [Гельман 2019: 12]. Думается, к этим оценкам стоит добавить лишь то, что наиболее влиятельными группировками в «выигрышных коалициях», доминирующих при принятии решений, являются латентные, неформальные сообщества правящего класса.

Именно сетевые коалиции, рассосредоточенные как в рамках, так и за рамками официальной иерархии, оказывают существеннейшее, а временами и решающее влияние на формирование повестки дня, согласование частных и групповых интересов, политическую оценку реализованных целей и другие аспекты принятия государственных решений [Baumgartner 2013; Culpepper 2011]. Формируя «переплетенные институты» и сложную констелляцию (ассамбляж) постоянных и временных акторов принятия государственных решений, эти неформальные игроки создают невидимую структуру государственной власти, постоянно меняющую конфигурацию межинституциональных комму-

никаций и нарушающую формальное «институциональное равновесие» (Дж. Найт). Благодаря скрытой форме своего доминирования правящие элиты могут не только противодействовать коллективным формам оспаривания власти или оценивания общественных проблем, но и предавать неудобные для себя вопросы «политически обеспечиваемому забвению» [Crenson 1971: 184].

Отечественный опыт государственного развития убедительно подтверждает растущую мощь неформальных коалиций правящего класса, не только формирующих в пространстве власти широкий круг субститутов (гибридных, ложных, институтов-«пустышек»), но и провоцирующих логику последовательного создания параллельного официальному дизайну «второго ядра государственного управления» [Соловьев 2021], выносящее принятие решений за рамки обязательств статусной политической элиты.

Преимущественное влияние сетевых коалиций, использующих эффективные схемы влияния на центры принятия решений, заставляет со скепсисом относиться к идее «коллаборативной демократии» [Полтерович 2021], демонстрирующей традиционную рамку рассуждений о якобы неизбежных перспективах воплощения демократических коммуникаций государства и общества. Однако практика показывает, что нынешняя форма республиканского правления в России неспособна ни повысить участие граждан в разработке решений, ни обеспечить приверженность аппарата моральным принципам госслужбы. Скорее наоборот. Опыт показал, что реальный механизм принятия решений в лучшем случае показывает склонность отдельных сегментов элиты не к соучастию с обществом, а к пониманию его интересов. Но не более того.

Другими словами, последовательная деинституализация правящей элиты в российском обществе явилась продуктом сознательного проектирования властными группировками базовых оснований своего политического господства. Эта стратегия доминирования, пусть и с разным успехом, но вполне последовательно разрушала дискурсивные формы публичной политики и предписанные элитам правовые формы регулирования общественных отношений, насаждая принципы патрон-клиентской этики (как своей цивилизационной пан-идеи) и приучая людей к неинституциональным формам обретения ресурсов даже там, где они были доступны в легальной форме [Ledeneva 2013]. Иначе говоря, политическое и этическое давление этих сетевых сообществ

распространилось на все сегменты общественной жизни, растлевая сознание граждан и деформируя даже их микроскопические коммуникации с властью.

Новейшая политическая история страны позволяет даже увидеть некую цикличность в динамике правящих элит в позднее советское и постсоветское время, выраженную в последовательной смене элитарных группировок, играющих решающую роль в процессе распределения общественных благ и ресурсов. Так, в сталинские времена внешне приглушенная внутренняя конкуренция правящих группировок проходила при широком использовании силовых методов подавления и уничтожения соперников, в условиях систематических чисток госаппарата (показательно, что похожие факты мы можем наблюдать и в сегодняшних условиях), что усилило возможности монопольной коалиции внутри правящей элиты. В условиях господства партийно-хозяйственной номенклатуры в годы застоя ведущая роль принадлежала представителям высшей партийно-государственной прослойки. На стадии окончательного разложения советского строя стала укрепляться роль коалиции, связанной с создаваемыми за рубежом коммерческими структурами, аккумулировавшими пресловутое «золото партии». После ухода коммунистов архитектура распределения общественных благ и ресурсов складывалась уже под влиянием картельных группировок, капитализировавших в своих интересах государственные активы и практически колонизировавших высшие центры принятия решений. Причем политический вес этих группировок позволял определенным кругам даже экспериментировать с изменением конституционных оснований политического порядка (в частности, в 1990-е годы разрабатывался проект установления в стране конституционной монархии) [Дука 2017]. Начало «нулевых» возвестило уход с политической арены лидировавших «олигархических группировок» и знаменовало выход на сцену новых «выигрышных коалиций» (по мнению большинства аналитиков, в основном представлявших финансово-экономические интересы руководителей спецслужб).

Как можно видеть, в последние десятилетия (охватившие различные режимы правления и даже политические системы) на старые схемы взаимоотношений и лидерства «выигрышных коалиций» политической элиты неизбежно и последовательно накладывались формы доминирования новых победителей, создававших собственные траектории распределения ресурсов, но при этом сохранявших в неприкосновенности

принцип корпоративно-партикулярной эксплуатации и колонизации государственных институтов.

Незамкнутость этого цикла корпоративно-партикулярного правления показывает, что обрушение позиций ранее доминировавших «выигрышных коалиций» неизбежно меняется на главенство других неформальных коалиций, до этого находящихся в шаговой доступности от центров принятия решения. В этой связи, думается, имеет смысл подчеркнуть, что глубина диспозиций таких околоставных группировок правящего класса служит предупреждением и сигналом о безуспешности любых революционных преобразований. В любом случае следует иметь в виду, что собственно экономические результаты правления при групповой конструкции политического доминирования не оказывают принципиального влияния на цикличность смены таких элитарных сообществ, а ужесточение методов госрегулирования не сопрягается с эффективным характером выполнения планов, сохраняя в неприкосновенности декларативность правления и асимметричное распределение ресурсов. В то же время сам факт чередования фаз группового доминирования позволил ряду ученых констатировать, что сложившиеся в стране формы элитарного правления, обуславливавшие «гегемонию и рост перераспределительных коалиций, нацеленных на борьбу за большую долю общественного продукта», ведут к «деэволюции социального порядка», «уменьшению общественного благосостояния и увеличению политических противоречий» [Павроз 2022: 35].

В целом деинституализация российской элиты в новейшей политической истории осуществлялась в рамках, условно говоря, двойного формата: с одной стороны, за счет укрепления административных барьеров по отношению к гражданскому населению, а с другой — устранения ограничений для неформальных контактов центров принятия решений с влиятельными политическими инвесторами. Такие процессы, по сути, породили внутренний раскол правящей элиты, с одной стороны, демонстрирующий образование слоя «одноразовой элиты», которая вынуждена поддерживать общение с населением и символизировать ответственность правящего слоя (оправдывая, к примеру, непопулярные правительственные решения, к которым они зачастую не имеют никакого отношения), а с другой — выделение смешанной (состоящей из государственных и негосударственных акторов) группы лиц, которые «реально правят» без какой-либо потребности в поддержании контактов с обществом и даже с низко статусными кругами правящего класса.

Одним словом, групповая и сетевая система господства правящей элиты, предпочитающей договорные и неформальные нормы принятия решений, разрушает как институциональные формы правления, так и принципы политической конкуренции. Это превращает первых лиц государства в арбитров между разноликими центрами влияния, до крайности минимизируя их роль как руководителей, призванных проектировать стратегические цели управления развитием общества. Понятно и то, что в теоретическом описании такого административно-политического и властно-управленческого порядка рассмотрение деятельности правящей элиты уже не требует использования классических параметров взаимосвязи «управляемые — управляющие».

Обобщая вышесказанное, не будет преувеличением констатировать, что главным фактором деинституализации правящей элиты в современной России следует считать закрытый от общества характер процесс принятия государственных решений. Именно здесь набирают силу и влияние, способное подчинить институты государства, неформальные коалиции правящего класса, которым не хватает места в институциональном дизайне и которые эффективно конструируют «недекларируемое целеполагание» (А. Коньков). И поскольку официальные власти систематически снижают нормативный контроль за этой ареной власти, политическое и символическое влияние «невидимых элит» на все иные сферы правления и контроля обретает поистине масштабный и всепроникающий характер.

Выстраиваемая с помощью неформальных коалиций внутри элитарная конкуренция не только способствует негативной селекции правящего слоя, но и укрепляет управленческие приоритеты правящей элиты с общегражданских на корпоративные цели. В политическом отношении, видимо, можно с уверенностью говорить о том, что блокирующий эффект институтов по отношению к населению привел не только к окончательному обрушению демократической перспективы, но и к практическому исчерпанию их общегражданского содержания и даже вытеснению норм политического компромисса за рамки публичного пространства. При этом власти продолжают активно использовать институционально-имитационные формы властвования (партии-спойлеры, гонги и квонги и т.д.) и инструменты виртуальной дополненной реальности, снижающие политическую волю населения. По сути, такая политика направлена на превращение коллективного актора в массу, где не существует внутренних различий и позиций, кроме легитими-

рующих созданный властями порядок. На этом фоне органы государственной власти и управления вовлекаются в непрерывную череду межинституциональных войн за наращивание бюджета, расширение привилегий, снижение ответственности и другие чиновничьи ценности, напроць перекрывающих заботу об интересах населения.

Экономические последствия такого элитарного правления не менее драматичны, ибо доминирование «выигрышных коалиций» предопределяет главенство внеинституциональных отношений, приоритет интересов аффилированных с властью слоев населения и привилегированных групп, получение ими дополнительных ресурсов за счет основной части населения. Неслучайно за последние двадцать лет во многих областях жизни (связанных с ростом уровня жизни населения и преодолением бедности, предотвращением избыточной смертности, качеством здравоохранения и другими сферами повседневной человеческой жизни) ситуация не получила какого-либо положительного сдвига или же осталась на прежнем уровне. И даже методы жестко централизованного, императивного регулирования не могут выправить ситуацию. Западные санкции, в значительной степени обуславливающие перспективы длительной экономической рецессии, по-своему сигнализируют об усугублении издержек сложившейся системы правления. Причем военный конфликт с Украиной и поддерживающими ее государствами при сохраняющейся архитектуре власти и усилении военизированных черт экономики провоцирует риски достаточно быстрого истощения материальных и финансовых ресурсов. Истощения, которое не исключает резкого повышения политической неопределенности и острого кризиса власти. Все эти факты позволяют говорить, что нынешняя стадия элитарного правления уже перешагнула границу своего институционального полураспада, продолжая движение к полному исчерпанию правящей элитой своего гражданского функционала.

Могут ли в условиях нынешнего геополитического кризиса быть инициированы процессы реинституализации правящей политической элиты? Время покажет. Однако, учитывая, что нынешний институциональный дизайн не только слабо репрезентативен гражданским интересам, но и предполагает, мягко говоря, сокращенный вариант применения нормативно-правовых инструментов в деятельности правящей элиты, можно предположить сохранение сложившейся ситуации в среднесрочном горизонте. Причем факторами пролонгации деинституционального формата правления можно считать не только микро-

групповые основания межэлитарной конкуренции или усиление политико-административного контроля и централизацию власти. Нельзя сбрасывать со счетов и общественно-политическую пассивность общества, значительная часть которого вполне удовлетворена транслируемой властями символической картиной происходящего.

Литература

Бардаков А.И. Власть в формах организации жизнедеятельности общества: автореф. дис. ... д-ра полит. наук, Волгоград, 2007.

Гельман В.Я. Недостойное правление. Политика в современной России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 255 с.

Дука А.В. Монархический соблазн российской элиты // Власть и элиты. Т. 4 / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 256–337. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.8>. EDN: XYBNXV.

Ефимова Е.В. Перспективные способности и качества российской политической элиты XXI в. // Вестник Пятигорского университета. 2019. № 1. С. 233–236. EDN: LTYHGZ.

Каснэ С.В. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 318 с.

Леонтьева О.В. Политика и право. Критерии качества и эффективности политической элиты. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (дата обращения: 19.11.2022).

Павроз А.В. Группы интересов в политическом процессе: новейшие тенденции взаимодействия государства и российского общества // Трансформации публичной политики в современной России / под ред. В.И. Радикова. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 22–41. EDN: OBPQTU.

Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52–72. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>. EDN: KTMFFO.

Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д.: СКАГС, 2010. 509 с. EDN: QOLZNE.

Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Аспект пресс, 2021. 253 с.

Baumgartner F.R. Ideas and policy change // Governance. 2013. Vol. 26, no. 2. P. 239–258. <https://doi.org/10.1111/gove.12007>.

Crenson M. A. The Un-politics of Air Pollution: A Study of Non-Decisionmaking in the Cities. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971. 227 p.

Culpepper P.D. Quiet Politics and Business Power: Corporate Control in Europe and Japan. New York: Cambridge University Press, 2011. 220 p.

Ledeneva A. V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 314 p.

Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 479 p.

Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back / ed. by P.B. Evans, D. Rueschmeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–191.

Xu J., Wang Z., Shen F., Ouyang C., Tu Y. Natural disasters and social conflict: A systematic literature review // The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR). 2016. Vol. 17, no. 2. P. 38–48. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2016.04.001>.

DEINSTITUTIONALIZATION OF THE RULING POLITICAL ELITE. IN SEARCH OF A THEORETICAL MODEL

A.I. Solovyev

(solovyev@spa.msu.ru)

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

Citation: Solovyev A. Deinstitutionalization of the ruling political elite: in search of a theoretical model. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 37–55. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.2>

Abstract. *The historical logic of the development of the ruling minority reflects a number of phases and stages in its multifaceted evolution. As shown in the article, one of such historical stages is the formation of elite strata that demonstrated new facets of political domination within the framework of the state system that has been formed since Modern times. In turn, the historical experience of elitogenesis has demonstrated three main forms of political hegemony of this corps of the ruling minority — institutionalization, deinstitutionalization and reinstitutionalization. Each of them marks a special style of the use of power and management, ultimately reflecting the nature of the interaction between the state and society. In the context of this theoretical approach, the specific features of the deinstitutionalization of the ruling elite in modern Russian society are revealed, the forms of interaction of the upper classes with the civilian population typical of this state are described, forecasts are made regarding the prospects of preservation.*

Keywords: *power, politics, governance, ruling minority, ruling elite, citizens' society, informal associations of the ruling class, redistributive coalitions.*

References

Bardakov A.I. *Vlast` v formax organizacii zhiznedeyatel`nosti obshhestva. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch.stepeni doktora politicheskix nauk* [Power in the forms of organization of the life of society]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch. stepeni doktora politicheskix nauk [Abstract of the dissertation for the degree of doctor of political sciences]. Volgograd, 2007 (In Russian)

Baumgartner F. R. Ideas and policy change, *Governance*, 2013, 26 (2), pp. 239–258. <https://doi.org/10.1111/gove.12007>.

Crenson M.A. *The Un-politics of Air Pollution: A Study of Non-Decisionmaking in the Cities*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971. 227 p.

Culpepper P.D. *Quiet Politics and Business Power: Corporate Control in Europe and Japan*. New York: Cambridge University Press, 2011. 220 p.

Gel`man V.Ya. *Nedostojnoe pravlenie. Politika v sovremennoj Rossii* [Bad Governance: Politics in Modern Russia]. St Petersburg: Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 255 p. (In Russian)

Duka A.V. Monarxicheskij soblazn rossijskoj e`lity` [The monarchical temptation of the Russian elite]. In: *Vlast` i elity* [Power and Elites]. Vol. 4. Ed. by A.V. Duka. St Petersburg: Intersocis, 2017 pp. 256–337. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.8>. EDN: XYBNXV. (In Russian)

Efimova E.V. Perspektivny`e sposobnosti i kachestva rossijskoj politicheskoy e`lity` XXI v. [Perspective abilities and qualities of the Russian political elite of the XXI century], *Vestnik Pyatigorskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk University], 2019, 1, pp. 233–236. EDN: LTYHGZ. (In Russian)

Kaspe` S.V. *Centry` i ierarxii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskix issledovanij, 2008. 318 p. (In Russian)

Ledeneva A.V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 314 p.

Leont`eva O.V. *Politika i pravo. Kriterii kachestva i effektivnosti politicheskoy elity* [Politics and law. Criteria for the quality and effectiveness of the political elite.]. Available at: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (accessed: 19.11.2022). (In Russian)

Linz J., Stepan A. *Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 479 p.

Pavroz A.V. Gruppy` interesov v politicheskom processe: novejshie tendencii vzaimodejstviya gosudarstva i rossijskogo obshhestva [Interest groups in the political process: the latest trends in interaction between the state and Russian society]. In: *Transformacii publichnoj politiki v sovremennoj Rossii* [Transformations of public policy in modern Russia]. Ed. by V.I. Radikov. Moscow: RUSAJNS, 2022, pp. 22–41. EDN: OBPQTY. (In Russian)

Polterovich V.M. Krizis institutov politicheskoj konkurencii, internet i kollaborativnaya demokratiya [The Crisis of the Institutions of Political Competition, the Internet and Collaborative Democracy]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2021, 1, pp. 52–72. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>. EDN: KTMFFO. (In Russian).

Ponedelkov A.V. *Politicheskaya nauka v elitologicheskom izmerenii* [Political science in the elitist dimension]. Rostov na Donu: SKAGS, 2010. 509 p. EDN: QOLZNF. (In Russian)

Solov`ev A.I. *Politika i upravlenie gosudarstvom. Ocherki teorii i metodologii* [Politics and government. Essays on theory and methodology]. Moscow: Aspekt press, 2021. 253 p. (In Russian)

Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime. In: *Bringing the State Back*. Ed. by P.B. Evans, D. Rueschmeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 169–191.

Xu J., Wang Z., Shen F., Ouyang C., Tu Y. Natural disasters and social conflict: A systematic literature review, *The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR)*, 2016, 17 (2), pp. 38–48. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2016.04.001>.